

УДК 94(47).083

Д. А. Сафонов**Военнопленные и местные власти в Оренбургском крае
в первой четверти XX века**

Военнопленные направлялись в Оренбургский край на протяжении XVIII—XX вв. Анализ историографии показывает, что исследователей более всего интересовали вопросы, связанные непосредственно с пленными: количество, условия содержания. В статье предпринята попытка проанализировать деятельность местных властей в отношении военнопленных с точки зрения накопления управленческого опыта. Наиболее информативно обеспеченным можно полагать период первой четверти XX века, особенно годы Первой мировой войны. Опыт местных властей нарабатывали преимущественно самостоятельно, через практику, причем советским органам власти пришлось разрешать сложившуюся по окончании войны ситуацию, не имея ни аналогов, ни действенных наработок.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, Оренбургская губерния, местные власти, политика.

Достаточно традиционно Оренбургский край отмечался в исторической литературе как место ссылки едва ли не на всем протяжении его почти трехвековой истории. Нередко, как бы составной частью, авторы упоминали и военнопленных, вероятно объединяя их и ссыльных по принципу насильственного перемещения в регион и ограничения свободы. Мы понимаем под военнопленными лиц, принадлежащих к вооруженным силам воюющей стороны, оказавшихся во власти противника. Появление их в крае происходило также помимо их воли, но статус отличался от статуса ссыльных — последние имели определенную возможность интегрирования в местную жизнь, но военнопленные имели шанс на возвращение домой и потому их пребывание в Оренбуржье было относительно кратковременным (оговоримся, что не для всех и не во все периоды). В разное время несколько корректировалось само понятие «военнопленный».

За всю трехвековую историю края было несколько периодов, когда сюда прибывали военнопленные, — назовем их для удобства «генерациями». Первая приходится на конец XVIII века — есть упоминания о наличии пленных польских конфедератов в крепостях Оренбургской линии в период пугачевского восстания (1773—1775 гг.) (у П. Рычкова в «Летописи»); точных данных и иных подробностей о них нет. Во время Отечественной войны 1812 г. в Оренбург направлялись военнопленные наполеоновской армии — уже в первой половине 1812 г. прибыли 15 офицеров, 14 унтер-офицеров и 1415 рядовых. Всех их приказано было разместить по квартирам и установить «за их поведением надзор». Рядовым с 1813 г. было разрешено вступать в российское подданство. После войны некоторые французы добровольно остались, были поселены в Верхнеуральском и Троицком уездах¹.

Третьей можно полагать плененных польских солдат и офицеров, которые после каждого польского восстания XIX века (преимущественно в интервале 1830—1860 гг.) направлялись рядовыми в Оренбургский отдельный корпус. Любопытно отметить: несмотря на то что польские восстания были как бы внутренним делом империи, в официальных документах эти люди именовались именно военнопленными. Данные о коли-

¹ К теме французских военнопленных «Великой Армии» обращались в разные исторические периоды П. Л. Юдин в 1896 г. [52], П. Е. Матвиевский в 1962 г. [38], в последнее время — С. Н. Хомченко [51]. Весь объем имеющихся в Оренбургском госархиве документов по данной проблеме был изучен П. Е. Матвиевским.

© Сафонов Д. А., 2014

честве их разрозненны; никто из исследователей не произвел итоговых подсчетов. Во всяком случае, можно говорить о тысячах¹.

Удаленность Оренбургской губернии была, судя по всему, тем определяющим фактором, по которому в край направлялись военнопленные. Потому практически отсутствуют какие-либо документы о режиме содержания, правилах и т.п. Что же касается поляков, то включение их в воинскую службу, по сути, исключало необходимость дополнительного регламентирования как содержания, так и сроков — вероятнее всего — до выхода в отставку.

Очередная, «четвертая» генерация военнопленных — времен Первой мировой войны. Этот период представлен достаточной историографией и на порядки большей источниковой базой.

Внимание исследователей привлекали разные аспекты темы. В советский период авторов более всего интересовало вовлечение большевиками иностранных военнопленных в свои ряды, деятельность так называемых «интернационалистов» [34, 35, 43], в том числе и на Южном Урале [22, 23, 27, 53]. Резкий рост интереса к отдельным аспектам темы можно наблюдать с 1990-х гг. Началось изучение вопросов содержания военнопленных [26, 31, 42], участия их в революционном движении 1914—1918 гг. [41], взаимоотношений пленных с местными властями [33], реэвакуации [24, 25].

В оренбургской региональной историографии можно выделить несколько основных направлений исследований: численность и размещение военнопленных в крае [46, 48], изучение условий содержания иностранных военнопленных на территории Южного Урала [46, 47]; использование их труда [39], участие их в событиях революции и гражданской войны [49, 50].

Из последних работ, затрагивавших интересующее нас направление, отметим две: диссертацию И. В. Рязанского «Тыловая российская провинция в условиях первой мировой войны (Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 г.)» (2006) [44], где данному вопросу посвящен отдельный параграф «Решение властями южноуральских губерний проблем беженцев и военнопленных», а также Э. Идрисовой «Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914—1921 гг.» (2008) [30], затрагивавшей практически все вышеупомянутые аспекты: размещение военнопленных на территории региона, использование их труда, положение военнопленных, мероприятия по организации репатриации и участие бывших военнопленных в гражданской войне. На наш взгляд, при сосредоточении внимания исключительно на военнопленных Э. Идрисова невольно теряла важный, можно сказать, знаковый момент — наличие военнопленных было константой, но вот власти за рассматриваемый период поменялись кардинально. Не согласимся мы и с серьезно звучащим выводом И. Рязанского, что «опыт, накопленный провинциальными властями в годы Первой мировой войны по мобилизации экономических и социальных ресурсов, вошел в нашу историю и был использован в годы гражданской и Великой Отечественной войн» [44]. Разумеется, в части — «был использован». Учитывая, что автор в изучении темы остановился на феврале 1917 года, ожидать убедительной аргументации не приходится.

В начавшейся мировой войне Оренбургская губерния оказалась в глубоком тылу, вот почему она была избрана наряду с Вологодской и Вятской губерниями в качестве территории, куда высылались военнопленные немцы и австрийцы. Таковыми тогда считались взятые в плен на театре военных действий, состоящие на действительной службе или в запасе и находившиеся к моменту объявления войны в пределах Российской империи, а

¹ Среди наиболее серьезных исследований укажем работы В. А. Дьякова [28, 29], из недавних региональных — В. Латыповой [37].

также «все способные носить оружие» граждане воюющих с Россией государств в возрасте 18—45 лет [3, л. 38].

Поначалу речь шла о подданных Германии и Австрийской империи, нередко уже давно живших в России и высылаемых в глубь страны по достаточно зыбкому обвинению, что они «подозрительны в отношении шпионства». Впрочем, обращение с ними было достаточно мягкое: как сообщала местная газета «Оренбургская жизнь», выбор, в какую из трех отдаленных губерний ехать, предоставлялся самим высылаемым. Желающие могли, получив проходные свидетельства, ехать самостоятельно, за свой счет. На устройство всех дел им давалось три дня [20]. В течение августа-сентября 1914 г. в Оренбургскую губернию, по нашим подсчетам, таким путем прибыло 2727 человек, преимущественно из Прибалтики и Царства Польского. Всего же на жительство в край поступило более 10 тыс. человек [3, л. 63].

Несколько позже, но уже не добровольно, а в этапном порядке, в губернию стали прибывать иностранные граждане, как это объяснялось на канцелярском языке того времени, «не принадлежащие к категории военнопленных, но высланные в Оренбург по распоряжению начальства» за «вредное в политическом отношении направление». В большинстве случаев это были люди, обвиненные в каких-либо шпионских действиях, но за недоказанностью обвинения не осужденные, а в профилактических целях выселенные в глубь империи. В течение 1914 г. таких было 548 человек, из них германцев 269, австрийцев 174 человека [5] (подсчет наш).

Постепенно стали поступать пленные, взятые на поле боя. Местные власти рассчитывали, что таковых будет не более двух тысяч, и уже распланировали, что они будут привлечены городским управлением к строительству водоотводных канав и шоссировочным работам [21]. Но пленных оказалось значительно больше, а к работам привлекать их не разрешалось. Соответственно, можно прогнозировать, что, отталкиваясь от указанного итога в 2000 человек, выделялись местные средства, решались вопросы жилья и питания. И столь же легко прогнозируемо, что резкое увеличение их числа создавало дополнительные трудности. Пленные рассылались по селам для проживания, размещались также в двух концентрационных лагерях — в Меновом дворе (под Оренбургом) и Тоцких лагерях¹.

Вопрос о численности военнопленных в крае достаточно запутан — единой статистики, как и системы учета, не сохранилось, четкой дифференциации относительно военнообязанных и реально взятых в плен на поле боя не проводилось. Наши подсчеты по делам фонда 11 Госархива Оренбургской области к концу 1914 г. дают 1849 человек, в 1915 — 13 725 [1, л. 235 об.; 2, л. 486—502 об.]. В 1918 году местная газета сообщала, что в губернии было 11 298 человек: в Оренбургском уезде — 7108, Орском — 798, Верхнеуральском — 807, Троицком — 49, Челябинском — 2536 человек [19]. Но при этом не указан источник данных; стоит также указать, что к этому времени военнопленные из лагерей были освобождены большевиками. Можно только сделать заключение о порядке цифр, крайне условное и приблизительное. Тем удивительнее утверждение В. Семенова, заявившего, что к 1915 г. Оренбургская губерния являлась «одним из крупнейших районов концентрации военнопленных». Учитывая, что общее число военнопленных в России определяют порядка 2 млн. человек [23, с. 8]², о «громдном числе» говорить

¹ Тоцкое административно относилось к Самарской губернии, но начиная с 1917 года было втянуто в сферу управленческого влияния Оренбурга.

² Отметим, что В. И. Ананьев тогда же ввел в оборот еще одну цифру — численность иностранных военнопленных в Уральской области (Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии) на 20 марта 1918 г.: «по сведениям Казанского военного округа» — 75 608 человек [23, с. 8]. Точность до восьми человек впечатляет; однако стоит задуматься, как на 20 марта 1918 года можно было получить точные данные из Казани. А если обратить внимание на источник, использованный историком, — местная коммунистическая газета «Уральский рабочий» от 21.4.1918 г., то дополнительные вопросы уже не требуются.

сложно. Автор же основывает свое суждение на одной цитате из текста американского консула в Москве в феврале 1915 г.: «В Оренбургской губернии такое громадное число моих подзащитных германских и австро-венгерских подданных, как ни в одной другой области» [48, с. 70]. Фразу можно и должно понимать лишь как упоминание о количестве обращающихся в посольство с жалобами — поскольку именно посольство Северо-Американских Штатов в Петрограде представляло интересы Германии в России. Оно обеспечивало пересылку почтовых отправок немецких пленников на родину, передавало российским властям деньги на содержание пленников, получаемые по линии Красного Креста от Германии, реагировало на жалобы — конечно, в том случае, если они доходили до Петрограда через заслоны военной цензуры.

Судя по документации жандармского управления, ряд жалоб на грубое обращение со стороны русских были своевременно перехвачены и не попали к адресату. По нескольким жалобам американское посольство проводило свое расследование. Так, 14 марта 1915 г. американский генеральный консул в Москве обратился к оренбургскому губернатору с просьбой о содействии в расследовании жалобы 16 военнопленных, высланных в с. Дмитриевское, что к ним «очень враждебно относится местное население и при появлении их на улице забрасывают разными вещами» [4, л. 2].

В ходе расследования выяснилось, что речь шла о хулиганской выходке группы несовершеннолетних мальчишек, швырнувших в пленников несколько камней. Тогда приехавший в Оренбург комитет американского посольства попытался проверить условия содержания прочих пленников. Это вызвало негативную реакцию местных властей, и комитет был фактически выслан обратно в столицу. Начавшийся конфликт приобрел значимость — консул, обидевшись на действия оренбургских властей, прекратил высылку пособий Красного Креста на содержание пленников — и уже через полмесяца Оренбург забил тревогу — теперь ему самому следовало изыскать где-либо 50 тысяч рублей в месяц — именно во столько пленники обходились краю. В первых числах июля в Петроград пошла паническая телеграмма — если консул не уступит, то через неделю среди пленников начнется голод [6, л. 270 об.]. К счастью для всех, американцы уступили и в десятых числах в Оренбург прибыл вице-консул САСШ для урегулирования всех проблем. Воспользовавшись ситуацией, местные власти с разрешения центра решили сократить число военнопленных. Всем достигшим 45-летнего возраста, т.е. вышедшим из разряда военнообязанных, было предложено подавать прошения и при содействии американцев выехать за границу. Точное число тех, кто воспользовался случаем, установить трудно, но архив сохранил немалое количество такого рода прошений с разрешающими резолюциями на них.

Статус и положение военнопленных в пределах края были регламентированы рядом постановлений оренбургского губернатора. 22 августа 1914 г. было объявлено, что за любые преступления военнопленные будут предаваться военному суду [1, л. 11]. С 13 сентября в губернии было введено положение о чрезвычайной охране, что означало ужесточение требований к пленным: им воспрещалось собираться на улице более трех человек, посещать клубы, рестораны, театры и другие увеселительные места, выходить из дома после 6 часов вечера, разговаривать в публичных местах на немецком языке [1, л. 12]. 24 октября подданным Германии и Австрии было запрещено хранить и носить оружие и боеприпасы [1, л. 17]. В случае нарушения каких-либо запретов виновные подвергались тюремному заключению до 3-х месяцев или штрафу в 3 тысячи рублей. Требования несколько ужесточились в 1915 г.: постановлением губернатора от 10 января 1915 г. пленным было запрещено обращаться к воинским чинам проходящих эшелонов и лазаретов с вопросами о военных действиях, передвижениях частей, их вооружении и довольствии, воспрещено приобре-

тать у возвращавшихся с фронта оружие. Всем пленным было запрещено пересылать и получать корреспонденцию без военной цензуры, а местным жителям — пересылать такие послания как бы от себя, опять-таки, чтобы миновать цензуру [1, л. 27].

Положение германских пленнх находилось в прямой связи с положением русских в Германии. Как только задерживалась почта из Германии, тут же приостанавливались отправления германских пленнх. 5 января 1916 г. оренбургские власти получили телеграмму из Петрограда, в которой сообщалось, что 6 декабря 1915 г. в день тезоименитства Государя Императора русским пленным в Германии было разрешено его отпраздновать. В связи с этим местным властям приказывалось обеспечить возможность для празднования немцами 14 января дня рождения императора Вильгельма пением германского гимна и молебствованиями [1, л. 8]. Переадресовывая распоряжение далее — местным уездным исправникам, Оренбург особо подчеркивал, что данное разрешение «не касается военнообязанных» [1, л. 17].

1916 год внес в положение пленнх перемены. Размещение в крае значительно большего количества людей, нежели предусматривалось и, следовательно, было возможным, привело к необходимости селить их в самых непригодных местах. Как писал один военнообязанный из пос. Чернореченский: «...сейчас все немцы разбросаны по всем российским свинюшникам» [5, л. 777]. Война затянулась, и от нее устали все. В стране начались перебои с продовольствием, иные хозяйственные трудности. Потери на фронте неизбежно влекли за собой новые призывы в действующую армию и, как следствие, нехватку рабочих рук в тылу. С апреля 1916 г. местные власти были вынуждены разрешить привлекать военнопленнх и военнообязанных «для предупреждения недосева полей» [1, л. 254]. Несколько позже немцев стали использовать в работах в городах, на строительстве Орской железной дороги, а также на уборке. В отчете за 1916 г. оренбургский губернатор констатировал, что труд военнопленнх «подспорье при недостатке рабочих рук в деревне» [1, л. 235].

Относительно оценки качества и эффективности труда военнопленнх в региональной литературе наблюдаются расхождения. Так, В. Г. Семенов полагает, что пленные не могли заменить работников, мобилизованных в армию, их труд являлся менее продуктивным [48]. Н. Н. Машкова, напротив, считает, что в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы труд пленнх в сельском хозяйстве Оренбургской и Уфимской губерний являлся значительным и эффективным [39, с. 25]. Э. Идрисова дипломатично констатировала, что труд иностранных военнопленнх «использовался широко», но оценивать его результативность не стала [30, с. 6]. Трудно согласиться и с мнением И. В. Рязанского, который полагал единым процессом «организацию приема, размещения и включения в экономическую и социальную жизнь региона беженцев и военнопленнх». По его мнению, использование труда военнопленнх являлось государственной политикой: «Военнопленные — подданные стран, воюющих против России, — в государственном понимании прежде всего людской ресурс для использования в экономике. Массовое применение их труда за годы войны не только вошло в систему, но и стало обыденной реальностью хозяйственной жизни России в целом и Южного Урала в частности» [44]. Собственно, массовость следовало бы доказать с цифрами в руках; однако никаких точных статданных относительно этого нет. Да и привлечение началось только с 1916 года.

Декретом Советской власти от 17 декабря 1917 г. военнопленные были освобождены из лагерей и получили равные права с местным населением: возможность жить в городах и поселках, работать наряду с другими рабочими и получать одинаковую с ними заработную плату, создавать свои революционные организации, заниматься издательской деятельностью и по желанию — получать гражданство РСФСР.

Стоит упомянуть еще одно высказанное Э. Идрисовой положение, с которым трудно согласиться: что «ситуация мало изменилась и после установления советской власти на Южном Урале» [30, с. 7]. После того как в регионе установилась советская власть, о принудительном привлечении военнопленных к труду не было и речи, поскольку новая власть освободила их с мест проживания и из лагерей. Точно указать, когда именно это произошло, сложно по причине отсутствия каких-либо документов. Есть упоминание о «разоружении старого командного состава Тощих лагерей», произошедшем сразу после октябрьских событий и создания Бузулукского уездного исполкома [40]. Из лагеря на Меновом дворе пленные могли быть освобождены не ранее 20-х чисел января — красные вошли в Оренбург 18 января 1918 г.¹

Какая-то часть бывших военнопленных присоединилась к красным — по решению Оренбургского комитета РКП(б) и ВРК в феврале 1918 г. был создан так называемый «Легион эмигрантов-коммунистов» (382 бойца, в основном венгры) [23, с. 72]; есть свидетельство об уничтожении казаками во время известного набега на Оренбург в ночь с 3 на 4 апреля 1918 г. значительной части этого отряда².

В целом же, судя по косвенным данным, бывшие военнопленные не стремились ввязываться в происходящее на чьей-либо стороне и если чего и желали, так это скорейшего возвращения домой. А осуществить это было сложно — в делопроизводстве Оренбургского ВРК сохранена секретная телеграмма от 7.2.1918 г., требовавшая не пускать пленных и беженцев в Петроград: «Немедленно принять самые решительные революционные меры к тому, чтобы ни один пленный, беженец не направлялся [в] Петроград и голодающую северную область. Предупреждаю, что здесь военнопленные и беженцы хлеба не получают и обречены на голодную смерть. Направлять их только в сытые губернии. Расправляйтесь беспощадно с провокаторами, навод[н]я[ю]щими голодающие губернии лишними ртами и стремящимися костлявой рукой голода задавить революцию. Остерегайтесь рассылаемых провокационных телеграмм, направляющих военнопленных в Петроград. Лозунг [ни одного] голодного лишнего едока в голодающую губернию. Пред. СНК Ленин. Секретарь Совета Горбунов» [16, л. 29]. Отсюда освобожденные оказались предоставленными сами себе, поскольку новоиспеченная советская власть в Оренбурге была еще очень слаба.

В итоге были предприняты определенные шаги для того, чтобы и снять с себя необходимость заботы о пленных, и использовать их потенциал для укрепления своих позиций. В сложившейся ситуации комиссар труда ВРК А. Здобнов издал декрет, лишавший местных пленных права работать: «Согласно постановлению Военно-Революционного Комитета о снятии с работ служащих и рабочих военнопленных и военнообязанных, работающих в различных предприятиях, учреждениях и у частных лиц, и о замене таких безработными русскими, зарегистрированными в Городской Бирже Труда, и ввиду уклонения некоторых учреждений от исполнения этого постановления, Комиссар труда предлагает немедленно приступить к снятию с работ военнообязанных и военнопленных и заменить их безработными русскими» [18]. Это создало весьма сложную обстановку в городе. А 27 марта 1918 г. Оренбургский комитет военнопленных постановил по причине

¹ В. И. Ананьев упоминал, что «белоказачьи банды угрожали лагерю военнопленных, расположенному на Меновом дворе», и что интернационалисты обеспечивали охрану военнопленных — поскольку белым «не терпелось поскорее расправиться с военнопленными за то, что многие их товарищи стали интернационалистами» [23, с. 74]. Вот только никакого источникового подтверждения этим тезисам нет.

² Сафонов Д. А. Набег казачьих партизан на Оренбург 3—4 апреля 1918 г.: опыт исторической реставрации // 1743 : историко-литературный альманах. Оренбург : Оренбургская губерния, 2006. Вып. 5. С. 47—88.

того, «что всеобщего мира нет, также нет и социалистической революции», «переименовать всех военнопленных в эмигрантов-коммунистов» [8, л. 30]¹.

Цели ВРК были понятны — существует переписка ВРК с Королевским датским посольством, где, в частности, имеется письмо делегата посольства от 13(3).4.1918 г., адресованное «г. комиссару Коростелеву». Там, в частности, говорилось: «Вы изволили сказать, что не обещали заботиться о военнопленных... все-таки не совсем понимаю Вашу точку зрения», ведь возникшая ситуация — есть следствие изданного декрета. «Впечатление, что измором Вы хотите привлечь большее количество к своей политической партии», — заключал дипломат [8, л. 38—38 об.]. Ответа не последовало. Для лишенных социальной помощи, пайков и возможности зарабатывать себе на жизнь бывших военнопленных, сконцентрировавшихся в основном в Оренбурге, присоединение к интернационалистам было единственным выходом. В июне 1918 г. губисполком разрешил комиссару жилищ Михайлову производить в Оренбурге организацию интернациональных комитетов и вербовку отрядов военнопленных для борьбы с империализмом [7, л. 56]². Все это не позволяет нам согласиться с утверждением Э. Идрисовой, что именно «тяготы военного плена, агитационно-пропагандистская работа большевиков, социальное происхождение явились главными факторами вливания бывших военнослужащих воюющих держав с Россией в формируемые интернациональные отряды» [30, с. 6].

В реальности определить, какая часть военнопленных примкнула к красным, крайне сложно³. Упомянутые в литературе и документах «Легион эмигрантов-коммунистов», 3-й интернациональный полк, полк III Интернационала Оренбургской стрелковой дивизии и др., никак не означают соответствие их по численности традиционным полкам, дивизиям и иным соединениям.

На территориях, подконтрольных СНК, еще в январе 1918 г. все дела, связанные с военнопленными, были переданы Отделу по демобилизации армии. 27.4.1918 г. при Комиссариате по военным делам была учреждена Центральная комиссия о пленных и беженцах (Центропленбеж). На местах создавались областные, губернские и уездные коллегии. В Оренбурге это произошло значительно позднее, после окончательного установления советской власти в январе 1919 г. Оренбургская губернская коллегия о пленных и беженцах возникла 21.1.1919 г., переименована 26 декабря в Оренбургское губернское управление по делам о военнопленных и беженцах. Объединение военнопленных и беженцев, по сути, в одну категорию было логично с точки зрения поставленных перед созданной структурой задач, но совершенно запутывало статистику.

Сложность вопроса эвакуации для Оренбуржья заключалась, помимо типовых проблем снабжения, еще и в том, что начавшееся возвратное движение людей из Средней Азии неизбежно затрагивало губернский город — по причине единственной железной дороги. К сентябрю 1919 г. в Оренбурге и окрестностях скопилось около 52 тыс. военнопленных. Документ свидетельствовал: «Часть из них, в количестве 10 000 человек, будет использована для Красной Армии», — соответственно остальных следует переправлять

¹ Интересно отметить, что В. И. Ананьев сообщал об этом факте, но ссылаясь не на безусловно доступный ему архивный фонд, а на публикацию в «Известиях Уральского облсовета» (26 апреля 1918 г.) [23, с. 11]. При этом он писал, что подобное решение якобы вынес некий «Оренбургский комитет социал-демократов» (которого не существовало). Решение было объявлено историком ошибочным, поскольку «руководство комитета не учитывало классового размежевания в лагерях» [23, с. 11]. Кстати, и лагерей уже не было.

² Почему именно комиссару жилищ — уточнений нет.

³ Никаких общих цифр нет; приводимые в литературе данные не сопоставляемы. Так, например, В. И. Ананьев писал, что к середине апреля численность легиона увеличилась в два раза — без уточнений, имеется ли в виду исходное количество (более 300) или же та небольшая часть, которая уцелела после набега казаков.

дальше. Тифозные составляли почти 50% всего количества. Размещать в Оренбурге их было практически негде — «сейчас они размещены на Маяке в условиях, нужно сказать, ужасных» [9, л. 72]. В итоге губком партии 15 сентября 1919 г. принял решение более здоровых военнопленных отправить пешим порядком в Самару [9, л. 22].

«Вторая волна» бывших военнопленных из Средней Азии прошла через Оренбург летом 1920 г. После длительных переговоров между представителями Советской России, Германии и Австрии была достигнута договоренность о возобновлении с 11 мая 1920 г. планомерного обмена военнопленными. Был разработан план эвакуации бывших военнопленных из Советской республики на период с 11 мая по 11 октября 1920 г., на протяжении которого предстояло эвакуировать около 425 000 человек. Вся территория страны была разделена на 5 зон, в каждой из которых Центрэваком по линии железных дорог создавались продовольственные и медико-санитарные пункты, они же являлись местами концентрации бывших пленных. В Приуральской зоне местами организации таких пунктов были Уральск, Оренбург, Уфа, Красноуфимск, Челябинск, Екатеринбург и Пермь. Оренбург становится столицей Кирреспублики, почему на него ложилась основная доля проблем. В 1921 г. были созданы 3 уездных губэвака: в Орске, Актюбинске и Илецкой Защите. С июня 1921 г. деятельность Оренбургского губэвака была распространена на всю КССР. Бывшие военнопленные и беженцы прибывали эшелонами по железной дороге со всей Средней Азии. Всего за 1920—1921 гг. через Оренбург прошло до 100 тыс. человек.

Относительно же «местных», оренбургских, военнопленных есть данные управления, что в августе 1921 г. в Оренбургской губернии в уездах оставалось 1900 чел., в итоге подлежащих реэвакуации; при этом собственно пленных австро-германских подданных было отмечено 130, отправлено 135 (причины увеличения не объяснялись), турецких пленных — 8 и все они были отправлены [9]. Практически все пленные Первой мировой, бывшие в крае, вернулись на родину¹.

Следующий поток военнопленных был составлен из представителей «белого» лагеря. Местом сосредоточения их стал так называемый Илецкий концентрационный лагерь принудительных работ, который стали организовывать с 14 октября 1919 г. на остатках построек Илецкой каторжной тюрьмы, существовавшей там до революции и основательно разоренной населением в годы военного противостояния. Первоначально в этом районе находилось около 150 тысяч военнопленных казаков, оказавшихся перед выбором уйти через китайскую границу с атаманом Дутовым либо сдаться. Организацией концлагеря занимался прибывший из Москвы чекист Стеклов — в одном из своих докладов он лаконично сообщал, что «очистил» тюрьму от казаков [14, л. 8]. Затем в мае-июне 1920 г. в этот лагерь были переведены из Омского концлагеря бывшие юнкера Колчака без долж-

¹ В крае остались буквально единицы. Наиболее любопытной, на наш взгляд, является судьба итальянца Джованни Штикса, уроженца Фиуме, военнослужащего австрийской армии. В свое время он был причислен к числу «интернационалистов» [36, с. 141]. Мы прошли по ссылке в статье и смогли познакомиться с автобиографией Штикса, сохранившейся в Госархиве Оренбургской области [10, л. 4—4 об.]. Естественно, что в журнальной публикации детали его биографии были должным образом подправлены — попадание в плен было объявлено «добровольной сдачей», появилось членство в партии, хотя сам Штикс об этом не писал, и т.п. В 1920 г. он был агитатором Илецкого политотдела, затем — командиром 1-го Оренбургского полка ЧОН (части особого назначения). Демобилизовавшись в апреле 1922 г., уехал на родину, откуда в феврале 1924 г. тридцатилетним вернулся в Оренбург, где вновь стал служить в ЧОН. Причины возвращения он не указывал; историк же объяснял преследованиями со стороны фашистской полиции. В декабре 1924 г. Штикс перешел на службу в ОГПУ. В 1928 г., судя по сопутствующим документам (без объяснения причин), был осужден на 6 мес. принудительных работ, после чего работал в центральном рабочем кооперативе, затем заведующим столовой З.В.К. в Оренбурге (1932 г.). Данных о последующей жизни нет, историк однозначно заключал о «последних годах жизни». С большой долей вероятности можно предположить, что он был репрессирован.

ностей — около 300 человек [11, л. 191]. Немного позже, в августе 1920 г., там же в Илецке проводилась фильтрация военнопленных белых армий, так называемых «белоармейцев» (из армии Колчака), ставших в новых условиях иностранцами (граждане Прибалтийских стран, Польши, Грузии, Югославии и Италии¹), — 287 человек [11, л. 232]. И наконец, в ноябре 1920 г. из лагеря выбыли ранее там находившиеся для фильтрации военнопленные белые офицеры-колчаковцы — 248 человек [12, л. 9—42].

Параллельно с ними в Илецком концлагере некоторое время находились военнопленные советско-польской войны — всего 22 человека (5 евреев и 17 поляков)². В декабре 1920 г. все они освобождены по условиям Рижского договора [13, л. 915].

Последняя отраженная в региональной литературе генерация военнопленных — времен второй мировой войны [43]. Эту страницу мы выводим за рамки нашей работы — по причине кардинальных перемен в обществе и мире, что, на наш взгляд, не позволяет хоть как-то сопоставлять прежние этапы с данным и тем более говорить о преемственности опыта.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 377/1.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 522.
3. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 145.
4. ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2600.
5. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 3859.
6. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 555.
7. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219.
10. ГАОО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 4576.
11. ГАОО. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 7.
12. ГАОО. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 13.
13. ГАОО. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 19.
14. ГАОО. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 20.
15. ГАОО. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 24.
16. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 6.
17. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
18. Известия Оренбургского военно-революционного комитета. 1918. № 36. 23 (10) марта.
19. Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. № 43.
20. Оренбургская жизнь. 1914. 6 авг.
21. Оренбургская жизнь. 1914. 4 сент.
22. Ананьев В. И. Положение иностранных военнопленных и их участие в революционном движении в России // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1965. Вып. 1. С. 85—104.
23. Ананьев В. И. В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966.
24. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. 288 с.
25. Белова И. Б. Реввакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922—1923 гг.: заключительный этап // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 167—176.
26. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

¹ Среди прочих отмечен некто Салватжиогло (так записано) — Итальянская республика; за контрреволюцию оставлен в Оренбурге до конца гражданской войны [11, л. 27].

² Редкий случай, когда сохранился список пленных с указанием воинского звания и места взятия в плен.

27. Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
28. Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов. Биобиблиографический словарь. М., 1967.
29. Дьяков В. А. Численность и состав участников освободительного движения в русской армии в 1856—1865 гг. (Опыт историко-социологического исследования) // История СССР. 1970. № 1. С. 27—43.
30. Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914—1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
31. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Хабаровск, 2004.
32. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть советов на юге и востоке республики. М., 1971.
33. Исаев А. П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917—1922) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
34. Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. 1917—1918 гг. М., 1977.
35. Краснов В. Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М., 1989.
36. Кузнецов С. Плечом к плечу с русскими братьями (итальянские интернационалисты на фронтах гражданской войны в СССР) // История СССР. 1962. № 5.
37. Латыпова В. Польские ссыльные на Южном Урале после восстания 1863—1864 годов и их взаимоотношения с местным населением // Поляки и русские : материалы конференции «Польша — Россия. Роль национальных восстаний в формировании представлений друг о друге». Варшава, 1999. С. 271—281.
38. Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.
39. Машкова Н. Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны (1914—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.
40. Небайкин А. Из воспоминаний очевидца // Коллективная мысль (Люксембургский район). 1957. 6 окт.
41. Ниманов И. Б. Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994.
42. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 185 с.
43. Рожкова Е. К. Иностранцы военнопленные в Оренбуржье (1943—1950) // Научные труды молодых ученых ОГПУ. 1997. Оренбург, 1997. С. 173—177.
44. Рязанский И. В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны (Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. URL: http://www.seninauku.ru/page_27325.htm
45. Рязанский И. В. Военнопленные на Южном Урале в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.) // Троицкий вестник : сб. науч. тр. Троицк : Фрегат, 2006. Вып. 1 / науч. ред. Л. С. Юдина. С. 142—151.
46. Сафонов Д. А. Немецкие военнопленные в Оренбургском крае в годы Первой мировой войны // Немцы и Оренбургский край. Оренбург, 1994. С. 25—26.
47. Сафонов Д. А. Оренбуржье и начало первой мировой войны // Оренбуржье в защите Отечества. Оренбург, 1995. С. 58—61.
48. Семенов В. Г. Военнопленные в Оренбургской губернии // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 70—71.
49. Футорянский Л. И. Немцы — военнопленные и колонисты в гражданской войне на Южном Урале // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее : материалы науч.-практ. конф. Оренбург, 1997. С. 32—34.
50. Футорянский Л. И. Немецкие военнопленные и колонисты в период Октября и гражданской войны на Южном Урале // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. М., 1998. С. 65—69.
51. Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812—1814 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.
52. Юдин П. Л. Ссыльные 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 5—33.
53. Яковлев Л. И. Пролетарский интернационализм в действии. Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1967.

Поступила в редакцию 25.11.2014 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(47).083

D. A. Safonov

Prisoners of war and local authorities in the Orenburg region in the first quarter of the twentieth century

Prisoners of war were sent to the Orenburg region during the XVIII—XX centuries. Historiographic analysis shows that researchers were more interested in the issues directly related to the prisoners such as their number and the conditions of their detention. The article makes an attempt to analyze the activities of the local authorities in the relation to prisoners of war from the point of view of the accumulating management experience. The first quarter of the twentieth century can be considered as the most informative, especially the years of World War I. Local authorities gained the experience mainly on their own, through practice. The Soviet authorities had to resolve the current situation after the end of the war, having neither analogs nor any effective groundwork.

Key words: prisoners of war, World War I, Orenburg province, local authorities, policy.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University,
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru